

Виктор К. Мендес

ОПРАВДАНИЕ ДИКТАТУРЫ?
(диктатор Салазар в 1930 году и поэт
Фернандо Пессоа в 1928 году)

Португалец по-прежнему не в состоянии
постичь Салазара.

Васко Пулидо Валенте

Несмотря на разительное сходство двух многолетних диктатур на Пиренеях — Салазара и Франко, причастных к тем жестокостям, которыми так щедр оказался XX век, вряд ли в других странах можно найти что-то подобное изысканной прозе Салазара 1930 года, посвященной оправданию режима. Я попытаюсь доказать, что, несмотря на наличие спичрайтера, Салазар оправдывал свою затянувшуюся диктатуру не рациональными аргументами, но формой самого текста — отсутствием в нем следов переработки и редактирования. Именно такой способ выражения превратил рационально обосновываемую временную диктатуру в принимаемую публикой постоянную. Я не буду обличать диктатуру с удобной и отстраненной позиции (в отличие от самого Салазара, который в 1930 году всячески клеймил с трибуны «либеральную идеологию»), я просто еще раз рассмотрю его аргументы, которые вполне можно представить и пересказать по пунктам. И в этой статье будет дана не систематизация идеологии, но лишь субъективный и самый общий очерк успешной, интуитивно очень точной и вполне циничной защиты диктатуры самим Салазаром.

Спросим себя еще раз: кем же был Антонио ди Оливейра Салазар (1889—1970)? Перед тем как стать правителем Португалии и ее имперских территорий в ранге премьер-министра (1932—1969), несколько решающих лет он работал министром финансов, а попал на этот пост, будучи профессором экономики университета в Коимбре. На консервативно-католические взгляды Салазара наибольшее влияние оказали Шарль Моррас и папа Лев XIII. Его видение Португалии как «Нового Государства» (*Estado Novo*) были закреплены и Колониальной хартией 1933 года и в конституции страны. В отличие от гитлеровской Германии или Италии при Муссолини, в Португалии не делали упора на модернизацию и индустриализацию; сам Салазар постоянно и настойчиво дистанцировался от диктатур тоталитарного типа. Его «революция справа» основывалась на критике либеральных течений времен монархии и политических пороков Первой республики (1910—1926), отстаивала явно антимодернистские ценности и предлагала возвращение к архаическим доблестям «старого порядка» (желательно до XIX века), подчеркивая ценность символической триады Бога, Семьи и Отечества (*Deus, Pátria e Família*). Политическое представительство граждан путем выборов отвергалось, как искусственное и безуспешное навязывание идей, чуждых португальской нации, исключительность которой всячески пропагандировалась; признавалось лишь «органическое» представительство общественных организаций и союзов в рамках доктрины корпоративизма (*corporativismo*). Национальный союз (*União Nacional*), объединявший все партии и созданный в 1930 году, был единственной политической силой страны. Это «Новое Государство» никоим образом не

было плодом лишь интеллектуальной революции; союз с армией, создание политической полиции и строительство лагеря политзаключенных в Таррафале (на островах Кабо-Верде) — все это было неотъемлемыми сторонами системы институционализованного насилия, за фасадом риторического восхваления «преимуществ» диктатуры. После гражданской войны в Испании, когда Салазар поддержал Франко против общих врагов слева, Португалия оставалась нейтральной и во время Второй мировой войны, и в последующие десятилетия. Прочно связанный с католической церковью, Салазар неизменно отстаивал уникальный характер развития своей страны.

Мы постоянно, хотя и фрагментарно, встречаемся с Салазаром и его режимом в самых прославленных произведениях португальской художественной литературы, опубликованных после установления многопартийной демократии и деколонизации, — примером может считаться знаменитый роман Антонио Лобо Антунеша «Пособие для инквизиторов» (1996). В первом десятилетии XXI века имя Салазара в португальской прессе стало упоминаться все чаще. Он стал, например, одним из главных персонажей популярного кукольного шоу пародийных новостей «Контра», которое с 1996 года идет на государственном телеканале Радио и Телевидения Португалии (RTP). В 2007 году в этой же сети была запущена программа «Великие португальцы», по образцу британского шоу «Великие англичане» (послужившего моделью для аналогичных передач в США, Канаде, Франции, Германии, Украине, ЮАР и Новой Зеландии)¹. К ужасу португальских интеллектуалов и профессоров, именно Салазар был провозглашен там величайшим португальцем всех времен, заработав 41% голосов. Одновременно самый известный современный португальский интеллектуал, философ Эдуардо Луренсо, написал небольшое эссе для еженедельника «Visão» («Взгляд»), в котором доказывал, что его победа просто доказывает прагматический настрой португальцев: отдавая Салазару голоса в прямом эфире через сорок лет после смерти диктатора, они всего лишь признавали успехи его политики в сравнении с нынешним ее измельчанием. А в начале 2009 года на другом португальском телеканале, SIC, был запущен многосерийный фильм «Женщины Салазара» («As Mulheres de Salazar»), где вовсю использовалось любопытство аудитории, всегда знавшей о противоречии между показными католическими добродетелями Салазара — подвижника и одиночки, «обрученного со своей страной» (*casado com a pátria*), и его любовными приключениями (не говоря уже о порой весьма жестоком обращении с чувствами преданных ему женщин).

1

Неудачи многопартийных политических систем в континентальной Европе после Первой мировой войны, а также необходимость брать кредиты у США (эта ситуация зеркально повторилась теперь, когда сами США зависят от финансовых вливаний из Китая, в связи с перемещением резервных капиталов уже не из Европы в Америку, а из Америки в Китай) характеризуют ситуацию, в которой все большее число людей стало задумываться о благотворности кратковременной или длительной диктатуры,

¹ В России аналогичное шоу проводилось под названием «Имя России» (телеканал «Россия», 2008). — *Примеч. перев.*

Оправдание диктатуры?

а в некоторых случаях и народ начал представлять диктатуру как лучшую альтернативу демократии².

В период между 1920 и 1938 годами 16 из 28 европейских государств совершили переход от представительной демократии, основанной на регулярных всеобщих выборах, к правой или левой диктатуре. Одним из таких государств была Португальская республика, которая с 1926 года стала консервативной диктатурой. Некогда малое и окраинное Португальское королевство, основанное в 1143 году на узкой полосе западного побережья Европы, распространило свою власть за моря и океаны, основав колонии в Африке, Южной Америке и Азии. Веками это государство называло себя империей, но в 1910 году в Португалии установился республиканский строй (при том что в большинстве европейских государств троны хотя и колебались, но были еще довольно устойчивы). С 1910 по 1926 год в стране сменилось более 44 правительств — по судьбе тогдашней Португалии можно изучать историю политической нестабильности. Хрупкость либеральной демократии, которая не могла даже принять устойчивый государственный бюджет, привела в 1926 году к установлению военной диктатуры. В ее поддержку тогда выступили видные люди, в том числе поэт-модернист Фернандо Пессоа, опубликовавший два года спустя эссе «Защита и оправдание военной диктатуры в Португалии» (1928). Поскольку главнокомандующий вооруженными силами не мог справиться самостоятельно с экономическими проблемами, он предложил профессору Салазару, работавшему в одном из старейших университетов континента, войти в состав нового правительства. На посту министра финансов, который Салазар занимал с 1928 года, он осуществлял последовательную политику контроля и принуждения, а в период с 1929 по 1932 год (во многом благодаря своим красноречивым выступлениям и реальным достижениям в области экономики) смог убедить правящие классы, офицерство и церковь — равно как и подавляющее большинство сельских жителей — в преимуществе однопартийного закрытого общества над либеральной многопартийной системой. Он подробно и успешно доказывал, что диктатура как временное, но необходимое мероприятие — это судьба страны и что он готов всем пожертвовать ради спасения отечества на посту премьер-министра. Этот пост он занял в 1932 году и до своей отставки в 1968 году создавал португальскую версию диктатуры в одном из первых — и последних (если не в самом последнем) — колониальных государств Европы. В 1974 году диктатура была свергнута, а колонии получили свободу.

Заявления Салазара о жертвенном служении своей стране вполне вписывались в его образ самоотверженного академического исследователя. Об этом он выразительно говорил, когда делился с французской журналисткой Кристин Гарнье (автор книги «Каникулы с Салазаром») чувствами, которые испытал когда-то, в момент назначения министром финансов: «Я колебался всю ночь, я не знал, следует ли мне принимать такое предложение. Меня угнетала сама мысль о том, что придется оставить университет <...> Я боялся, на самом деле боялся. Вдруг я потерплю неудачу? Представьте, я не смогу восстановить финансовую систему — что тогда

2 Новейшее обсуждение преимуществ и недостатков демократического и недемократического правления для экономического развития см. в: *Acemoglu Daron, Brown James. Economic Origins of Dictatorship and Democracy.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

обо мне скажут мои студенты?» (Кау, 41). Но вопреки показной робости в откровенном разговоре с журналисткой его политика на этом посту в точности описывается словами «финансовая диктатура», как явно демонстрирует цитата из речи Салазара в 1928 году:

Министерство финансов должно получить право накладывать вето на всякое увеличение текущих или обычных расходов, в том числе и на увеличение расходов в целях развития, — все кредитные операции, с этим связанные, должны проходить под наблюдением министра финансов.

[...] Я знаю, чего я хочу и что намереваюсь делать, но пусть никто не заявляет, что цель может быть достигнута в течение нескольких месяцев. Конечно, можно изучать вопрос, предлагать, предполагать и обсуждать, но, если мне поручено что-то делать, я вправе требовать от всех подчинения (Кау, 42).

Я намеренно говорю все время об «убедительности» речей и политики Салазара для его соотечественников. В отличие от Муссолини, Гитлера или Франко Салазар был человеком гражданским, не расставался со своим строгим серым костюмом и едва ли претендовал на роль воинственного «вождя нации». Он представлялся как университетский профессор, можно сказать, коллега многих из нас; известно также, что он написал несколько плохих стихов по-французски. Оказавшись на вершине власти, он не хотел расставаться со своей академической репутацией и все эти десятилетия именовал себя профессором Салазаром. Более того, около 1930 года Салазар всячески пытался ограничить влияние генералитета на текущую политику.

Речь профессора Салазара «Фундаментальные принципы политической революции» (от 30 июля 1930 года) обобщает высказанные им ранее принципы мирной «натурализации» политики как ответ на произошедшее в либеральном XIX веке появление оторвавшегося от почвы «гражданина»:

...Нам нужно строить социальное корпоративное государство, ни в чем не нарушив естественного строения общества. Семьи, города, муниципалитеты и профессиональные ассоциации, сохранив гражданам их фундаментальные права и свободы, должны стать организациями, составляющими нашу нацию; они должны также напрямую участвовать в формировании высших чинов государства — это и будет настоящим представительством, полноценным — в отличие от других опытов представительства (Discursos I 87).

Деполитизация правления и повседневной жизни с опорой на консервативные католические традиции и «натурализацию» социальных объединений и союзов, начиная с семьи (которые противопоставляются «искусственным» и «чуждым» Португалии политическим партиям), была основным пунктом корпоративистской доктрины нового режима. Салазар, говоря о преимуществах диктатуры над парламентской демократией, осознавал свои возможности: его Национальный союз смог вполне вобрать в себя сочувствующие Салазару политические партии, превратившись во вполне своеобразный продукт политической риторики и подмены самого понятия партийности.

Стефан Ли, автор одной из наиболее известных книг, посвященных авторитарным режимам XX века, «Европейские диктатуры 1918–1945 годов» (она впервые вышла в 1987 году), выделяет в ней четыре принципа

Оправдание диктатуры?

фашизма. Первый — непримиримая ненависть к британской и французской традициям демократии; как заявлял Гитлер в «Майн кампф»: «Нет более лживого принципа, чем принцип парламентаризма» (Lee, 15). Затем, фашизм рассматривался как политическая альтернатива марксизму; далее, эта доктрина предлагала обустроить экономику на других основаниях, чем марксизм; и наконец, фашизм оценивал христианскую мораль как помеху своей «воли к власти». Он утверждает выживание сильных и гибель слабых и требует военизированного развития и новых завоеваний, для чего проводится сверхнационалистическая политика. Одним словом, фашизм предполагал революцию.

Для изучения испанской и португальской диктатур весьма важным оказалось методологическое различие между тоталитарным и авторитарным строем. В сравнении с тремя крупнейшими диктаторскими режимами Европы XX века (в СССР, Германии и Италии) подавление либеральных принципов прав личности и эффективного парламентского правления осуществлялось в двух странах Пиренейского полуострова в течение десятилетий относительно мягким образом. Даже краткий обзор свойств тоталитарного режима включает следующие его неотъемлемые черты: он строится на учении, объясняющем *все без исключения* аспекты человеческого существования; политика при тоталитаризме переходит под контроль единой партии, возглавляемой вождем; каждый отдельный гражданин полностью подчинен диктату государства, который осуществляется с помощью тайной полиции, воспитания в школах и благодаря СМИ; и наконец, тоталитарное государство полностью контролирует любую экономическую активность (Lee, 300; Todd, 13). Конечно, и в диктатуре Салазара можно усмотреть первые три характеристики, но контроль над экономической в его «Новом Государстве» никогда не достигал уровня тоталитарных режимов. С программой «прогресса в мире и социальном порядке» напрямую была связана защита частной собственности (речь Салазара от 30 июня 1930 года). Кроме того, только в трех указанных «больших» тоталитарных режимах наблюдались крайне специфическое развитие науки и разработка [из единого идеологического принципа] множества отдельных ее областей — другим диктатурам пришлось решать более насущные вопросы.

Салазар пришел к власти не как глава массового революционного движения, но через постепенное сосредоточение в своих руках всего механизма управления страной — путем принятия недемократических мер с целью нейтрализовать действенные гражданские инициативы и деполитизировать португальское общество. Слово «революция» стоит в названии двух из трех основополагающих речей Салазара, произнесенных в 1930 году («Административная диктатура и политическая революция» — 28 мая 1930 года; «Фундаментальные принципы политической революции» — 30 июля 1930 года). Но социальный дарвинизм никогда не входил в принципы обоснования диктатуры у Салазара. Напротив, он считал опасным и вредным «нищешанское», как он говорил, отношение к обществу. Несколько лет назад мне попался анекдот, говорящий об «умеренности» Салазара в сравнении с революционным характером других диктатур (я в раннем детстве в Португалии слышал много подобных анекдотов, которые должны были проиллюстрировать его пронципальность). В лиссабонской резиденции премьер-министра и в его сельском доме неподалеку от университета Коимбры всегда было безукоризненно чисто и все стояло на своих местах. Когда кто-то похвалил диктатора за такую скромность, Салазар ответил: «Я просто следую

привычкам. Неужели я должен “жить опасно”, как это велит Ницше? Гораздо лучше жить уютно!» Такие апелляции к консервативному благоразумию постоянно встречались в речах Салазара до самой его смерти.

Упомянутая книга Ли о европейских диктатурах содержит небольшую главу, в которой высказываются краткие замечания о португальской и испанской системе власти в эти годы. Речи Салазара многократно цитировались как показательный пример самопрезентации правой консервативной диктатуры, непохожей на другие режимы предвоенной Европы, тяготеющие к тоталитаризму или милитаристскому революционному фашизму. С другой стороны, португальский историк Фернандо Розас в своем фундаментальном исследовании «Новое государство, 1926–1974» («O Estado Novo, 1926–1974»), вышедшем в 1994 году, убедительно доказывает, что в 1930-е годы в режиме Салазара проступали явные фашистские и тоталитарные черты: ведь одной из важнейших вех на пути установления диктатуры стал полный запрет основанной в 1921 году компартии.

Салазар периодически подчеркивал различие между его эффективной и ориентированной на все слои общества диктатурой и жестокими европейскими режимами. Ли очень точно замечает в своей книге, что программа «особого пути» Салазара зиждилась на (1) национализме, славившем великое и безвозвратно ушедшее прошлое страны; (2) корпоративном устройстве экономики (которое было осуществлено также в Австрии и некоторых других странах); (3) системе консервативных моральных ценностей, свойственных крестьянам-католикам; (4) растущей изоляции Португалии от всего остального мира, выраженной в лозунге 1950–1960-х годов «Гордо и в одиночку» («Orgulhosamente sós»), и (5) ограничении свободной экономики и влияния международного капитала путем особой кредитной и инвестиционной политики. Некоторые из этих мер встречались и в других европейских диктатурах (прежде всего в Испании и в Австрии). Сохранение заморских колоний любыми способами призвано было гарантировать важную роль в западном мире для малого европейского государства, которое было при этом третьей великой колониальной державой после Великобритании и Испании. Духовная жизнь последней колониальной империи сводилась к пестованию своей обособленности, соединенной с планомерной реализацией «цивилизационного гения», говоря словами Салазара. Очевидно, что это намерение цивилизовать жителей колоний (ни одну из которых Салазар так и не посетил за все десятилетия своего правления — он не любил путешествия и панически боялся самолетов) стало последним всплеском европейской колониальной активности.

Несмотря на соперничество Муссолини и Гитлера за контроль над Центральной Европой, альянс этих двух режимов, «ось Берлин—Рим», стал решающим фактором европейской политики. А на окраине Европы Салазар всячески подчеркивал дистанцию между своей диктатурой и властью европейских вождей, внушая тем самым португальцам националистические иллюзии и заставляя их думать, что для их страны наилучшим будет уход из мировой политики. После конца Второй мировой войны изоляция Португалии усилилась и достигла апогея в 1950–1960-е годы, когда международное сообщество требовало предоставления независимости последним европейским колониям в Африке. Вхождение диктаторского государства Салазара в НАТО в апреле 1949 года, состоявшееся в Вашингтоне, показывает, что США никогда не относились к однопартийному португальскому режиму слишком жестко и категорично.

Но доводы Салазара в пользу диктаторского режима в двух речах 1930 года меркнут в сравнении с той апологией диктатуры, которую представил в 1928 году поэт Фернандо Пессоа. Основные тезисы брошюры Пессоа «Защита и оправдание военной диктатуры в Португалии», написанной в духе политического трактата, звучат так:

1. Без военной диктатуры страну не спасти и не возродить.

2. «Дух нынешней Португалии» (слово «дух» здесь явно подражает немецкому *Stimmung*) — результат глубокого разлома между двумя политическими силами страны, республиканцами и монархистами. Поляризация политических сил истребила национальный идеал и не дает нации понять, чем она является на самом деле. Борьба монархистов и республиканцев стала родом гражданской войны, остановить которую можно только сверху, временно введя военную диктатуру.

3. В «моральной ночи» (*noite moral*) сосуществования нации с могущественными европейскими державами возможное тайное финансирование многопартийной системы из-за рубежа чревато прямым иностранным вмешательством в политику страны.

4. Переходная эпоха, эпоха выбора государственного курса, требует упразднить конституцию и парламентаризм. Правительство, которому выпала ответственность руководить страной в эти годы, должно прежде всего думать о поддержании порядка. О деревне позаботится полиция, а страну нужно будет отстаивать, взяв оружие в руки и сражаясь плечом к плечу.

5. Необходимость остановить процесс «денационализации» (*desnacionalização*) португальской политики, власти и культуры требует применить силу в делах государственного строительства. Во благо всего общества рычаги власти нельзя ослаблять: только так можно спасти традицию от разрушения. И лишь одна сила обладает в стране требуемыми качествами власти и подчинения — это армия. Следовательно, военная диктатура оправданна.

Фернандо Пессоа заканчивает свои аргументы тем, что его легитимизация военной диктатуры весьма отличается по своим приемам, логике и цели от «всех прочих известных политических сочинений». Это финальное притязание на оригинальность апологии диктатуры само целиком отражает риторику особого пути Португалии и позволяет читателю предположить, что политическое решение проблем — это прямое возвращение славы предыдущих эпох, имперского величия страны, уже в 1578 году заявившей о своем всемирно-историческом значении. Диктатура покончит с влиянием чуждых культур, уже более трех веков разлагающих национальный организм и обусловивших смену в недавнем прошлом трех несовместимых друг с другом политических режимов. Только тогда страна подтвердит свое своеобразие и уникальность, вновь покажет себя миру и в европейских университетах никто больше не посмеет сказать, что португальцы — «рабы чужих идей», подхваченных у европейских мыслителей и плохо при этом понятых.

В отличие от вполне прозаической апологии временной диктатуры в речах Салазара эссеистический стиль Пессоа затрагивает вопрос о сходстве политической стратегии и политики чтения:

Тот тон, стиль и сама форма, в которой мы пишем эти страницы, намеренно антипопулистские, и именно поэтому данная брошюра [«Защита и оправдание военной диктатуры в Португалии»] сама изберет себе вдумчивых читателей. В вопросах социальных то, что понятно толпе, — фальшиво и глупо. Социальные материи столь сложны, что лучше вообще их не замечать, чем относиться к ним легкомысленно. Именно поэтому демократия никогда, по сути, не будет осуществлена.

В своем выпаде против демократии Фернандо Пессоа столь же изощрен, сколь и неприятен. Салазар, его современник и соотечественник, родившийся всего на год позже Пессоа (в 1889-м), пытался оправдать диктатуру возвышенными рассуждениями, напирая на «любовь народа» и открытый, свободный доступ к вершинам власти самых квалифицированных людей. Он утверждал: «...если слово “демократия” может означать что-то положительное, то *это* и должно считаться демократией» (курсив мой. — *В.К.М.*; речь 30 июля 1930 года, ч. VIII). *Этим (isto)* был, конечно, режим диктатуры, в своих заявлениях претендовавший на осуществление всего того, что либеральная демократия 1910–1926 годов только обещала, но не исполнила. К слову сказать, чеканный слог Салазара очень понравился историку литературы левых убеждений Антонио Жозе Сараиве (*António José Saraiva*), который оценивал произведения диктатора как «одни из самых совершенных и чарующих в португальской литературе», сравнимые с «великой прозой семнадцатого столетия» (образцом которой был иезуитский священник Антонио Виейра [*António Vieira*]). Статья Сараивы, опубликованная в еженедельнике «Экспрессо» в 1989 году, как и ожидалось, вызвала единодушные протесты этаблированных интеллектуалов, которые в Португалии, как правило, строго придерживаются левых взглядов.

Несмотря на то что первый том «Речей» (*Discursos*) Салазара у португальских букинистов найти легче, чем где-либо в Германии «Майн кампф», по моим впечатлениям, там никто уже не читает сочинения человека, который во всей стране почитается как самая выдающаяся личность Португалии в XX веке. Так как речи диктатора ни разу не перепечатывались после переворота 1974 года, букинисты запрашивают за эти тома высокую цену, и поэтому приходится идти в библиотеку, где труды Салазара стоят в свободном доступе. Но, как я убедился по опыту работы в библиотеках Лиссабона — равно как и в нашей библиотеке в Массачусетсе, — на корешке заказа этих книг не стоит ни одной отметки. Они отпечатаны давно, но выглядят как новые, на них не сыщешь карандашных подчеркиваний или каких-то других примет того, что кто-то их действительно читал. Политические страсти вокруг Салазара (в наши дни поклонников у него немного, но они весьма воинственны) препятствовали трезвому разбору его выступлений. Как я уже писал, в начале XXI века появилась небольшая, но сражающаяся за своего зрителя и читателя индустрия посвященных диктатору культурных событий: телешоу, выпуски иллюстрированных газет, журнальные статьи, популярные биографии и фотоальбомы. Но общая направленность сегодняшних публичных разговоров о Салазаре отдает просто поверхностной ностальгией, не имеющей ничего общего с попыткой вновь оценить серьезно «непостижимого» (если следовать процитированным в эпиграфе словам Васко Пулидо Валенте) «величайшего португальца» всех времен. Одно из немногих исключений среди общего умонастроения — написанное по-французски эссе философа Жозе Жилиа

«Салазар: риторика невидимости» («Salazar: La Rhétorique de L'Invisibilité»), переведенное и опубликованное в Португалии в 1995 году. Отсутствие столь необходимого трезвого анализа деятельности Салазара среди гуманитариев резко контрастирует с тем подходом к проблеме, который представили три крупнейших португалоязычных писателя нашего времени: Жозе Сарамаго в «Годе смерти Рикардо Рейса» (1986), Лидия Хорхе в романе «В шуме прибрежных волн» (1988) и Антонио Лобо Антунеш в «Пособии для инквизиторов» (1996) — все это выдающиеся примеры литературного осмысления диктатуры средствами художественной прозы.

В речи, посвященной четвертой годовщине военной диктатуры (28 мая 1930 года), Салазар опровергал тех, кто считал, что «диктатура сама по себе решит все политические проблемы» или что она может длиться вечно. Довод Салазара в этой связи весьма лукав — он представляет диктатуру как строго временное разрешение «португальского вопроса». Необычное выражение диктатора «португальский вопрос» («o caso português») напоминает нам название эссе Пессоа «Дело о португальском помешательстве» («O caso mental português»). В этом произведении Пессоа развивает три свои излюбленные мысли: (1) португальцы умеют быть оригинальными, но никогда не смогут стать практичными и последовательными; (2) они страдают неспособностью соединить эмоциональность и рациональность (*inteligência*); (3) португальцы слабовольны и не придерживаются собственных планов.

Пессоа предложил простое средство для врачевания психологического недуга португальцев — космополитизм. Салазар, несмотря на свой пресловутый провинциальный консерватизм, представлял собой полную противоположность нарисованному Пессоа образу португальца: (1) он был практичен и последователен; (2) если судить по четким формулировкам его речей, вовсе не испытывал разлада между эмоцией и мыслью; (3) Салазар был волевым человеком, умевшим реализовывать свои планы.

Мы помним, сколь важна роль «временных моральных решений» в третьей части «Рассуждений о методе» Декарта (1637). Хотя Декарт никогда не отрекался от своих крайне консервативных моральных привычек, его максимы о ситуативных правилах стали важной частью учения философа, кодифицирующего всеобщую и вечную мораль. Временная диктатура Салазара, предназначенная для политического спасения Португалии, точно так же переросла в вечную диктатуру, подчинившую себе несколько десятилетий и пережившую своего создателя. Такую намеренную подмену мы встречаем в предисловии к первому тому «Речей», изданному в 1935 году, где Салазар говорит о том, что нехватка времени заставляла его произносить речи по черновикам, не обработав их как следует:

Полное незнание моей аудитории сковывало мою мысль. Кроме того, говорить нужно было о сложных и тонких вопросах, и поэтому мне пришлось отказаться от строгой композиции, которой я придерживался в лекциях, а вместо этого ограничиваться простыми заметками, которые я записывал на ходу, в блокноте, совсем не так, как я привык выражать свои идеи. Вся проблема в том, что из-за нехватки времени этими заметками и приходилось ограничиваться, так и не создав фундаментального труда и даже не приступив к написанию его основных глав (Salazar, I LXVIII).

Салазар изображает эффект диктатуры в духе проблематизации письма. Обычный для него метод сочинительства (*forma habitual de redigir*) при-

шлось заменить формой простых замечаний (*simples apontamentos*). Таким образом, письменное обслуживание диктатуры оказалось весьма далеко от норм, принятых среди ученых-гуманитариев. Салазар делал «наброски» своей диктатуры, когда сочинял свои речи, и понимал при этом, что не может разработать всерьез те идеи, которые уже готов нести людям. Диктатор говорит, что ему не хватало времени, и этот оставивший след в письме дефицит времени — свойство диктатуры. Но если диктатура обеспечивается не чем иным, как только беглыми заметками, а не фундаментальным сочинением, то беглые заметки и становятся ее оформлением и она из временной делается постоянной.

Примерно через два месяца после майской речи, 30 июля 1930 года, Салазар взял на себя риск стать политическим лидером режима. Важнейшая в его жизни речь «Фундаментальные принципы политической революции» была произнесена перед членами правительства и представителями португальских муниципалитетов. После этой речи тогдашний премьер-министр Доминигос Оливейра перестал быть первым лицом в глазах присутствующих. На следующий день во всех газетах и по радио славили оглушительный успех нового лидера нации.

Но интересно, что со временем аргументация Салазара в поддержку диктатуры становилась не столь пламенной: он понимал, что не может обосновывать диктатуру чисто рациональными приемами. В своей речи «Национальный интерес в политике диктатуры» (17 мая 1931 года) Салазар писал: «Из самых глубин души отчизны раздался вопль о том порядке, которому каждый будет повиноваться, о той власти, за которой каждый будет готов пойти» (Salazar, I 118). Эти неподвластные свету разума «глубины души отчизны» (*profundezas da alma pátria*) настоятельно требуют институционализации насилия — применения секретной полиции, уничтожения оппозиции путем создания некоего подобия партии — Национального союза, запрета всех обычных политических партий и войны против партизан. Само по себе насилие уже никого не убеждает, поэтому оно изображается как глубинный запрос народа. Таким образом, «серьезная» аргументация в пользу диктатуры в речах Салазара 1930 года стала преддверием широкого применения насилия в последующие десятилетия. Напротив, Фернандо Пессоа, который в 1928 году был вполне убежденным «интеллектуалом за тиранию», последние несколько лет своей жизни, до самой кончины в 1935 году, продолжал писать сатиры на диктатора: «И наш наставник Салазар, составленный из соли и азарта»³.

ЛИТЕРАТУРА

Acemoglu Daron, Brown James. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Garnier Christine. Vacances avec Salazar. Paris: Grasset, 1957.

³ Мне понравилось очень точное выражение из названия доклада Андрея Зорина на Банных чтениях «НЛО» 2009 года: «Интеллектуалы — за тиранию». В стихотворении Пессоа каламбурно разобрана фамилия диктатора: «сал» (соль) и «азар» (азарт, бедствие). Цитируется по: Pessoa 2008, 21.

Оправдание диктатуры?

Gil José. Salazar: a retórica da invisibilidade / Trans. Maria de Fátima Araújo. Lisbon: Relógio d'Água, 1995.

Kay Hugh. Salazar and Modern Portugal. New York: Hawthorn Books, 1970.

Lee Stephen J. The European Dictatorships 1918–1945. London: Methuen, 1987.

Pessoa Fernando. O interregno. Defesa e justificação da ditadura militar em Portugal // Pessoa Fernando. Crítica: ensaios, artigos e entrevistas / Ed. Fernando Cabral Martins. Lisbon: Assírio & Alvim, 1999.

Pessoa Fernando. O caso mental português // Ibid.

Pessoa Fernando. Contra Salazar / Ed. António Apolinário Lourenço. Coimbra: Angelus Novus, 2008.

Rosas Fernando (Ed.). O Estado Novo 1926–1974. Lisbon: Editorial Estampa, 1994.

Salazar. Discursos I 1928–1934 [Speeches I 1928–1934]. 4th ed. Coimbra: Coimbra Editora, 1948.

Saraiva António José. Salazarismo // Expresso-Revista. 22 April 1989: 15.

Todd Allan. The European Dictatorships: Hitler, Stalin, Mussolini. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Пер. с англ. Александры Маркова